

Чэн Янь вел Чу Вана за руку, переходя от стола к столу с ответным тостом, пока из дальнего угла не донеслись громкие, беспорядочные выкрики. Там явно назревала ссора.

Как выяснилось, Дай Чигуань сцепился с кем-то из сослуживцев. Тот лишь пытался посоветовать ему пить поменьше, но Дай Чигуань в порыве гнева так махнул рукой, что опрокинул кубок. Вино залило одежду обоим, и теперь они наперебой обвиняли друг друга. Видимо, хмель окончательно ударил им в голову — они спорили так громко, что на них начали оглядываться гости за соседними столами.

Слуги тут же доложили о случившемся хозяину.

Хотя Чэн Янь и не заметил имени Дай Чигуаня в списке приглашенных, слуги в поместье цзюньвана были людьми внимательными и исполнительными — заметив неладное, они поспешили доложить вовремя.

Выслушав их, Чэн Янь лишь усмехнулся и распорядился:

— Проводите господ переодеться в чистое и подайте им чего-нибудь отрезвляющего.

Затем он обернулся к гостям и звучно произнес:

— Двое гостей немного перебрали, не стоит беспокоиться.

Чу Ван выпил совсем чуть-чуть, но, поскольку раньше он никогда не пробовал вина, его щеки уже залил густой румянец. Юноша, слегка пошатываясь, мертвой хваткой вцепился в рукав Чэн Яня, не обращая на суматоху в углу никакого внимания.

Гости переглядывались, втайне вздыхая. Пусть формально считалось, что Чэн Янь женится ниже своего статуса, любому было ясно как день — на самом деле это еще вопрос, кому из них больше повезло.

Когда первый круг тостов подходил к концу, к Чэн Яню снова подбежал слуга и, склонившись к самому уху, испуганно прошептал:

— Лекарь Чэн, беда! Господин Дай там, позади, совсем рассудок потерял от хмеля. Кричит, что хочет видеть цзюньвана. Охрана его сдерживает, но боимся, как бы он не прорвался прямо в парадный зал.

Чэн Янь досадливо прикрыл глаза. Делать было нечего — извинившись перед гостями, он решил лично во всем разобраться.

— Чэн... Чэн Янь... Ты куда?.. — пробормотал Чу Ван заплетающимся языком.

Чэн Янь замер, призадумался на мгновение и велел слуге:

— Отведи господина цзюньвана в какое-нибудь тихое место и побудь с ним.

Оставлять полупьяного Чу Вана в шумном зале он не хотел, а уж вести его к Дай Чигуаню... Об этом не могло быть и речи!

Стоило ему выйти во внутренний двор, как он услышал надрывные крики, хотя самого Дай Чигуаня еще не было видно:

— Я хочу видеть цзюньвана! Где он?!

К счастью, стража в поместье знала свое дело и не давала буяну ступить ни шагу лишнего.

Чэн Янь почувствовал, как хмель и ему начинает кружить голову. Он потер переносицу, пытаясь прояснить мысли, и решительно направился на голос.

Его алое свадебное одеяние было ярким пятном в сумерках сада. Издалека он увидел Дай Чигуаня, который продолжал надрываться у входа во внутренний двор.

Завидев фигуру в красном, идущую по мощеной дорожке, Дай Чигуань даже не потрудился присмотреться и закричал:

— Господин цзюньван! Я так и знал, что в вашем сердце всё еще есть место для меня!

Настроение Чэн Яня, и без того подпорченное, окончательно испортилось. Услышав такое обращение, он не удержался от ироничной усмешки:

— Господин Дай, посмотрите-ка внимательнее, кто перед вами.

Он был куда выше Чу Вана, да и сложением крепче, не говоря уже о том, что их голоса невозможно было спутать. Крики Дай Чигуаня оборвались на полуслове — он точно подавился, и лицо его пошло нездоровыми пятнами.

Чэн Янь подошел ближе. Лицо Дай Чигуаня — от лба до самой шеи — было багровым от выпитого вина. Стало ясно, что тот в стельку пьян.

Лекарю не хотелось тратить время на препирательства с пьянчужгой, поэтому он сухо произнес:

— Господин Дай, вы изрядно перебрали. Позвольте мне велеть слугам проводить вас домой.

Дай Чигуань уставился на Чэн Яня остекленевшим взглядом. Помолчав мгновение, он вдруг выпалил:

— Чэн Янь! Не думал я, что ты окажешься таким ничтожеством... Торгуешь своей красотой, бесстыжий мерзавец!

Подобные слова никогда не задевали Чэн Яня за живое, но слышать такие оскорбления в свой свадебный день было по меньшей мере неприятно. Он мгновенно парировал:

— Уж всяко лучше, чем быть таким лицемером, как вы, господин Дай.

Одной рукой тот держался за свою «честь и благородство», а другой — жадно греб выгоды, которые приносила ему близость к Чу Вану. Хотел усидеть на двух стульях, а теперь, когда всё потерял, еще и смеет негодовать. Чэн Яню даже стало неловко за чужое бесстыдство.

Дай Чигуань тяжело дышал, глядя на лекаря с нескрываемой злобой:

— Где цзюньван? Ты просто боишься нашей встречи! Он всегда любил только меня, и если бы не ты... если бы не ты!..

Дай Чигуань был свято уверен: это Чэн Янь влез между ними, очаровал Чу Вана и заставил того отвернуться от старого друга.

Чэн Янь лишь хмыкнул:

— Ну и самоуверенность у вас, господин Дай.

Тот упрямо мотнул головой:

— Я хочу видеть его! Я должен спросить его лично!

— Не нужно ничего спрашивать! Я тебя совсем не люблю!

Голос Чу Вана внезапно раздался за спиной. Чэн Янь обернулся и тут же почувствовал, как алая фигура влетает прямо в его объятия.

Он крепко обхватил юношу, помогая ему устоять на ногах:

— Как ты здесь оказался?

Чу Ван надул губы:

— Я ждал тебя так долго, а ты всё не шел.

Они ворковали друг с другом, не обращая внимания на окружающих. Слуги, привыкшие к нежностям господ, и глазом не повели, но Дай Чигуань, глядя на эту сцену, едва не взвыл — глаза его налились кровью.

— Чу Ван! Этот человек — бездельник и неуч! Зачем ты на нем женишься?!

Чу Ван нахмурился и ответил:

— Я тоже неуч, почему бы и нет?

Все вокруг по-прежнему считали его дураком. Он знал, что на самом деле это Чэн Янь оказал ему великую милость, согласившись на этот брак, но многие считали, будто лекарь просто вытянул счастливый билет. Чу Ван слышал эти пересуды и всем сердцем негодовал за своего любимого.

Дай Чигуань лишился дара речи. Он никак не ожидал, что Чу Ван так яростно бросится на защиту этого человека.

А юноша продолжал, грозно сверкая глазами:

— И не носи чепухи, Дай Чигуань. Я никогда тебя не любил. Наоборот, ты мне противен, и я не желаю тебя видеть. Чтобы ноги твоей больше не было в моем поместье!

Дай Чигуань окончательно оцепенел.

Эти слова прозвучали для него как смертный приговор.

Чэн Янь тут же подал знак страже, и те через боковые ворота выставили Дай Чигуаня вон. Раз уж сам хозяин объявил его нежелательным гостем, в поместье цзюньвана ему больше не были рады.

Когда они остались одни, Чу Ван снова прильнул к нему, крепко обхватив за талию.

Чэн Янь с улыбкой ущипнул его за нос:

— Мой маленький цзюньван, ты всё-таки пьян?

Чу Ван, уткнувшись ему в грудь, замотал головой:

— Вовсе нет... Просто... голова немного кружится, и ноги... сами подкашиваются...

Чэн Янь прижал его к себе еще крепче:

— Тогда держись за меня и не вздумай отпустить.

Чу Ван решительно кивнул:

— Ни за что! — А затем, помолчав, добавил: — Чэн Янь... а когда мы пойдем в опочивальню?..

Чэн Янь, прижимая его к себе, едва не споткнулся. Захмелевший Чу Ван, чья речь сейчас ничем не отличалась от времен его бывшего безумия, вдруг весело расхохотался:

— Ты... ты тоже напился и упал!

Чэн Янь лишь беспомощно покачал головой и, обнимая супруга, нежно произнес:

— Возвращайся в комнату и жди меня. Как только гости разойдутся, мы сразу пойдем в опочивальню.

Солнце уже клонилось к закату, праздник подходил к концу.

Чу Ван кивнул, и губы его расплылись в счастливой улыбке.

По старинному обычаю полагалось устраивать шумные забавы в покоях новобрачных, но «невеста» цзюньвана выглядела так, что могла сама задать трепку любому шутнику. Гости не решились испытывать судьбу и, допив вино, начали расходиться. Чэн Янь лично провожал каждого до ворот, и когда последний экипаж скрылся за поворотом, на небе уже взошла луна. После всей этой суеты он изрядно проголодался и, решив, что Чу Ван тоже не откажется от еды, велел поварам разогреть несколько легких закусок и подать их прямо в покои новобрачных.

Когда он вошел в комнату, горячие блюда как раз начали расставлять на столе.

Чу Ван сидел неподвижно, но, услышав шаги, вскочил и уставился на Чэн Яня.

Тот плотно притворил дверь и, подойдя ближе, с улыбкой спросил:

— Ну что, протрезвел?

Чу Ван закивал, а затем смущенно отвел взгляд. Должно быть, он вспомнил свою недавнюю болтовню и теперь терзался неловкостью.

Чэн Янь не стал его поддразнивать, а просто усадил за стол:

— Сначала поешь, нужно подкрепиться.

На столе была в основном легкая рисовая каша. Чэн Янь многозначительно прищурился, но промолчал.

Чу Ван и впрямь был голоден, поэтому они уселись рядышком и принялись за еду.

Чэн Янь справился быстро и, отложив палочки, принялся подкладывать еду в чашу супруга. В обычной жизни он часто так делал, но сегодня Чу Ван отчего-то заметно нервничал.

Наевшись наполовину, юноша медленно отложил палочки. Сердце его колотилось как сумасшедшее. Он поспешно вытер губы и тихо проговорил:

— Я... я тоже наелся...

С этими словами он встал, но тут же замер, не зная, куда деть руки. Ноги его окончательно стали ватными.

Чэн Янь тоже поднялся и, не тратя слов, обхватил его за талию.

— Тогда идем в опочивальню, — негромко произнес он.

Щеки Чу Вана стали пунцовыми — то ли от смущения, то ли от хмеля. В объятиях Чэн Яня он чувствовал себя окончательно пьяным, и силы совсем покинули его.

Когда Чэн Янь бережно опустил его на постель, мир вокруг Чу Вана закружился. Он мог только смотреть снизу вверх на мужчину, склонившегося над ним. Алые свечи пылали жарко, заливая всё вокруг багрянцем, и в глазах Чэн Яня тоже плясали искры этого огня.

Чу Ван невольно поднял руку и коснулся лба Чэн Яня, провел по прямой переносице и замер на мягких губах.

— Чэн Янь, поцелуй меня... — прошептал он.

И Чэн Янь склонился к нему, исполняя желание.

На следующее утро слуги в поместье только и делали, что шушукались между собой:

«Раньше лекарь Чэн спал до полудня, а сегодня вскочил ни свет ни заря. Зато господин цзюньван почивает до самого обеда...»

Они переглядывались, и на их лицах читалось полное понимание ситуации.

Проходивший мимо кухни Чэн Янь, который с самого утра распорядился варить укрепляющий бульон, невольно подслушал их.

«Вовсе я не так уж поздно встаю!» — Чэн Янь невольно возмутился про себя.

Чу Ван пролежал в постели весь день, но, отоспавшись и набравшись сил, снова стал бодр и весел.

Теперь они делили одну постель. Стоило погасить свет, как Чу Ван начинал ужасно стесняться, но это никогда не мешало ему отвечать на ласки Чэн Яня. В минуты забытья он порой звал его то «женушкой», то «муженьком», путая все слова, но больше всего Чэн Яню нравилось, когда тот, задыхаясь от нежности, умоляюще шептал: «Брат Янь». Чэн Янь чувствовал, что это обращение затрагивает в его душе какие-то глубокие струны, но в такие моменты ему было не до раздумий.

Лишь позже, прижимая Чу Вана к себе, он ласково просил его повторить это «брат», но юноша, покрасневшись, упрямо молчал, не желая больше произносить столь интимные слова.

Спустя месяц сладкой супружеской жизни они окончательно решили покинуть столицу. Собрав лишь самое необходимое, они приготовились в путь.

Старый управляющий был уже в годах и не захотел ехать с ними — он остался приглядывать за поместьем. С собой они взяли только верного книжника.

Миновав городские ворота, они так и не выбрали конечную цель. Пока слуга правил лошадьми, Чу Ван то и дело высовывался из повозки, с любопытством озираясь по сторонам, точно ребенок на прогулке.

— Чэн Янь! А куда именно мы поедem?

Чэн Янь подал ему тарелку с пирожными и с улыбкой ответил:

— Куда угодно. Хоть на край света — всё зависит только от твоего желания.

Чу Ван весело рассмеялся:

— Тогда я хочу объехать весь мир и попробовать все сладости, какие только есть под небом!

Чэн Янь лишь безмолвно улыбнулся в ответ.

<http://bllate.org/book/15870/1439510>